

боду, більшу цінність людської життя, не рефлектируя над послѣдствіями, котрыя могут быть искажены силами зла. Христіанское сознание должно оставаться эсхатологическим, обращенным к всеразрушающему концу, котрый не может быть продуктом эволюціи. В этом вѣчная революціонность, а не реакціонность христіанства. И если христіанству присущ элемент пессимистическій в отношеніи к этому міру, то это должен быть пессимизм активный, а не пассивный. Человѣкъ должен бороться до конца, и нельзя уйти от борьбы. Консервативное христіанство было лишь одной из иллюзіи сознания, порожденной пассивностью духа, хотя бы эта пассивность принимала озлобленные формы. Реальное, а не условно-символическое осуществление христіанской правды есть не консервирование міра, а его трансформирование, его творческое изменение, без котораго не может быть достойнаго конца міра, достойнаго отвѣта человѣка на Божій призыв.

Николай Бердяев.

Христіанин в революціи

Вокруг слова «революція» давно уже сгустилась атмосфера опасной двусмысленности. Еще марксисты злоупотребили этим термином, понимая его то в социологическом, то в политическом смыслѣ. В наши дни эта двусмысленность перѣдко поражает в устах многих представителей христіанской молодежи на Западѣ. Здѣсь, особенно во Франціи, слово революція сейчас звучит обаятельно для людей доброй воли, которые хотят разрушить все мосты между берегом «Новаго Града» и буржуазным обществом. Но тѣ же люди, которые заявляют себя революціонерами, желают предупредить гражданскую войну, све-

сти до *minimum'a* элемент насилия в переходный период, хотя и не считают возможным от насилия совершенно отказаться. Революция, говорят они, это не убийства, не казни, не грабежи, революция — положительное дело создания нового общества. И однако в это же самое время в одной стране мира происходит революция, которая именно и означает убийства, казни, грабежи и порабощение народа — во имя создания нового общества. Там заявляют, что других путей к будущему нет, что «революцию не делают в белых перчатках» (последнее безусловно верно). Несомненно, что коммунист и молодой католик (или англиканин) понимают революцию в разном смысле. Но сходство имени и символики создают иллюзию душевной и духовной близости. Давно пора внести ясность в этот идейный и психологический хаос. Наш русский, и притом двойной опыт — борьбы с деспотизмом царской и революционной власти — мог бы пригодиться для Запада. К сожалению, национальный опыт, как и личный, не передается чужестранцам, а русская революционная молодежь, по односторонности и ограниченности своего (анти-большевистского) опыта, менее всего способна к объективности суждения.

I.

Возьмем революцию в самом широком, социологическом смысле слова. Революция — радикальный перелом, переворот отношений, перестройка жизни, реконструкция. В более органическом понимании — это обновление, возрождение, новая жизнь (*vita nova*). Все говорят об индустриальной революции в Англии, о революции языка, совершенной Ломоносовым, а после него Карамзиным, о революции нравов, быта в новые столетия истории. Но говорят также о революции, внесенной в мир христианством. Уже в этом словоупотреблении можно почувствовать многообразие оттенков: в революцию мы вкладываем то механический, то органический, то духовный смысл.

С другой стороны, все эти «революционные» процессы отличаются разной степенью остроты: и темпов раз-

вертывания во времени, и насильственности разрыва с прошлым. Существенным остается — радикальность обновления, новая жизнь, которая не хочет быть продолжением старой, но кончает с ней, чтобы устремиться в будущее. Возьмем, прежде всего, революцию в этом, самом общем смысле, в применении ко всем сферам культурной и социальной (не политической только) жизни, и спросим себя, каково отношение христианства к такой революции.

Отвѣтъ, мнѣ кажется, не допускает сомнѣній. Обновленіе, новая жизнь — суть понятія существенно христіанскія. Это античный міръ жил идеей совершеннаго круга, вѣчнаго возвращенія и покорности природным законам бытія. Христіанство, объявив войну природной жизни, — как зараженной грѣхом, зовет к совершенно новому, иноприродному порядку бытія: к Царству Божию. И на порогѣ этого царства встрѣчает требованіем покаянія: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Божіе». «Покайтесь» — μετανοείτε — значит, перемените мысли, переродитесь духовно. «Рожденіе духом», о котором говорит евангеліе от Іоанна, есть болѣе сильное, онтологическое, выраженіе того же факта. Обращенія великих святых — ап. Павла, Августина, стольких аскетов, отрекавшихся от міра, суть свидѣтельства духовной революціи, существенной для высшаго, благороднѣйшаго типа в христіанствѣ. Христіанская жизнь начинается с кризиса, но в кризисах она и протекает. Покаяніе не однократный акт, но состояніе перманентное. Власть грѣха не побѣждается в одном порывѣ, но требует все новых усилій, все новых отреченій. Ошибочно думать, что «обращеніе» не повторимо: что, вступив в Церковь или в монастырь, святой остается раз навсегда связанным непрерывностью закона, традиціи, новаго быта. Нѣтъ, власть грѣха сопровождает его и в новых условіях жизни; она оплотѣвает в бытѣ и дѣлается тяжестью, гириями на крыльях души. Рождается необходимость все новых разрывов, новых бѣгств: из одного монастыря в другой, из монастыря в пустыню, из пустыни или затвора в міръ. Это внѣшнія, видимыя черты разрывов. Им соотвѣтствуют духовныя революціи, перемѣны

путей. Эта христианская направленность — вперед и выше! — выражена ап. Павлом в известных словах: «Забывая заднее, простираюсь вперед» (Фил. 3, 13). Мы не упускаем из вида, конечно, что в христианском отречении рвутся паразитарные нити греха, а не ростки новой жизни — Царства Божия. В Царствѣ Божіем нѣтъ мѣста революціи. Оно уподобляется древу, растущему из сѣмени, или источнику, текущему в жизнь вѣчную. Говоря о жизни в Царствѣ, можно употреблять только органическіе образы. Но в обращенности к міру, эта же самая жизнь требует больших и малых отреченій, надрубов и разрывов. Она оставляет за собой кровотокащій слѣд.

Все это охотно признается для личной жизни, но, странное дѣло, когда заходит рѣчь о социальном обновленіи, христиане начинают пятиться, уклоняясь от отвѣтственности и борьбы, иной раз откровенно защищая социальный грех. Люди, лично безупречные и безкорыстные, выступают защитниками зла только потому что зло, существуя вѣка или тысячелѣтія, приобрѣло обаяніе традиціи. Византія, из всѣх христианских культур, всего болѣе содѣйствовала освященію социального зла. Она приняла без возраженій все социальное наслѣдіе языческаго міра и сообщила ему сакральное помазаніе. На тысячелѣтія в Греціи и на столѣтія в Россіи — с тѣх пор (XVI вѣк), как наша родина осознала себя наслѣдницей Византіи, под видом церковнаго преданія хранятся «гражданскіе законы» римской языческой имперіи. Таковы религиозные корни русскаго «черносотенства», из котораго до сих пор обозначился лишь один религиозный исход — в пустыню, в аскетическое равнодушіе ко всему міру Кесаря. Но такому исходу противостоит положительная социальная активность, благое христианское противленіе злу — в древней, домосковской Руси и на средневѣковом Западѣ. А еще глубже в прошлом — социальная традиція ранняго христианства и греческих отцов, мессіанская проповѣдь Спасителя и все, никогда не старѣющее содержаніе пророческаго откровенія Ветхаго Завѣта. Нѣтъ, откровенная религія в Израилѣ и в Новозавѣтной Церкви была со-

ціальної рані, чім стала личної; и Царство Божіе было прежде Царством народа Божія, чім Царством в душѣ чловѣка.

Должно бытъ, наконец, установлено равновѣсіе между личної и соціальної этикой христіанства. Грѣшно потворствовать своей личної, духовно-тѣлесной природѣ; но столь же грѣшно склоняться перед природой общественной. Покаяніе обращено не только к личности, но и к обществу, націи, классу, к каждой соціальной группѣ. Покаяніе есть призыв к обновленію, к новой жизни — в обществѣ, как и в отдѣльной душѣ. Педагогическая постепенность роста, воспитаніе в добрѣ, на одном концѣ, — и реформизм, культурная эволюція на другом. Но ни воспитаніе, ни эволюція не исключают христіанской требовательности, жажды цѣлостнаго обновления, не исключают и порываній к нему, моментов разрыва старых уз грѣха и бурнаго творчества новой жизни. Если называть это революціей, то отлічіе христіанскаго и секулярнаго сознанія в отношеніи к революціи не в том, что первое болѣе консервативно, или умѣренно (вѣрнѣе, как раз наоборот), но в том, что рѣзкость христіанскаго отрицанія направлена на существующее зло, а не на критерій добра. Новый мір, долженствующій вырости из стараго, строится на вѣчных началах, заложенных в чловѣческом духѣ и данных в откровеніи; а не на новых принципах, открытых вчера или сегодня Руссо, Марксом, Лениным. Наша традиціонность, наше уваженіе к Преданію, означает вѣрность традиціи добра, а не зла. Мы не зачинателя новаго міра, а работники в виноградникѣ Божіем, или воины в Его рати, связанные преемственностью поколѣній и единством животворящаго Духа. Христіанская переоцѣнка цѣнностей всегда относится к цѣностямъ относительным, и не посягает на абсолютныя Начала. Нам чужд всякій натуризм, или адамизм, желающій «начать с начала» — от звѣря или перваго чловѣка. Нам чуждо и идолопоклонничество перед новым, как таковым. Новое зло, конечно, хуже стараго добра. Если же новое имѣет все-таки преимущество перед старым, то лишь в том, что зло прису-

щее, неизбежно, старому обличено и явно для всѣх, а зло, стремящееся родиться с новым, не ясно и не имѣет характера природной неизбежности. В принципѣ мы не за новое и не за старое, а за вѣчное. Но вѣчное не может иначе воплощаться во временном, как в вѣчном творчествѣ новых форм (закон временнаго бытія), в вѣчном обновленіи новых форм, если угодно, — в революціи.

II.

Это христіанское оправданіе революціи в ея самом общем духовно-соціальном смыслѣ нисколько не предрѣшает нашего отношенія к тому особому соціальному феномену, который называется в узком, политическом смыслѣ революціей. Но и здѣсь необходимы разграниченія. Есть революціи и революціи.

Отличительный характер политическаго (связаннаго с государством) сектора культуры — в его особо тяжелой обремененности грѣхом. В отличіе от многих высших (искусство) и низших (хозяйство) сфер культуры, гдѣ зло является паразитом, непредусмотрѣнной, хотя и неизбежной заразой, в политикѣ зло — в видѣ насилія — присуще самой ея природѣ. Это та сфера культуры, гдѣ зло обуздывается средствами зла. Такова трагедія падшаго челоуѣка, что он не волен уклониться от рокового участія, хотя бы и пассивнаго, в политическом злѣ. И, если бесспорно и право христіанское оправданіе государства и подчиненіе ему (Рим. 13 и Петр. 2), то столь же оправдано, хотя не рѣдко оспаривается, право христіанина на сопротивленіе государству. В силу того же закона грѣха, всякая власть способна к вырожденію, при котором забвеніе положительных ея цѣлей или имморализм средств начинают разлагать и отравлять общественную жизнь. Тогда возстаніе против тиранической или несправедливой власти может стать долгом. Исторія полна примѣров славных и праведных возстаній: юный Давид, по волѣ Божіей, свергает помазанника Саула, Димитрій Донской и Пожарскій поднимаются против законных, хотя и

иноземных царей. Сколько современных націй обязаны самым своим государственным существованіем революціи против тиранической власти: Швейцарія, Голландія, Соединенные Штаты, Бельгія, Италия, Ирландія, Польша. В исторіи Россіи перевороты 1763 и 1801 г.г. начинают самую блестящія царствованія. Июльская революція (1830 г.) во Франціи дает спасительное и сравнительно легкое разрѣшеніе узлу, запутанному старой династіей. Для Англии ея безкровная «славная» революція 1888 г. начинает эру мирнаго и счастливаго политическаго развитія.

Но не о таких революціях — возстаніях, переворотах, освободительных войнах — идет рѣчь, когда в наше время ставится вопрос о правѣ христіанина участвовать в революціи. Революціи нашего времени отличаются особенной насильственностью и жестокостью борьбы. Для них гражданская война не случайный эпизод, а опредѣляющая форма, ибо движущим их началом является борьба классов. Их цѣлью является не смѣна правительств, или даже политическаго строя, а радикальная перестройка всей жизни. Их самосознаніе — максималистично. Онѣ ставят своей цѣлью выкорчевать с корнем все, что напоминает о ненавистном прошлом. Начать новую эру. Быть собственным предком. Первым человѣком на землѣ.

Революціи наших дней явно стремятся быть Великими, в том смыслѣ, в каком французская получила это имя. Французская революція долго была единственной в своем родѣ. Англійскую (Civil war) нельзя принимать в серьез. Она ничего не измѣнила ни в социальном, ни в духовном строѣ Англии. Послѣ Кромвеля жизнь возобновилась с той же точки, гдѣ ея преемство было порвано гражданской войной. Лишь русская революція была второй Великой. Что это значит? В чем «величіе» этих революцій?

Прежде всего, в объемѣ охваченных движеніем масс. Русская революція, в особенности, всколыхнула всѣ медвѣжьи углы — вплоть до тайги, тундры и пустыни. Она вызвала самые низшіе слои масс на борьбу за новую жизнь.

Во-вторых, в ожесточенности борьбы, которую ведут не вожаки, не кланы интеллигенции, но сам народ, на двое раздѣлившийся — брат на брата и сын на отца. Слѣдствіем этого — необычайное звѣрство и «величіе» злодѣяній. Когда встает «Ахеронт», смывая всѣ преграды религіи, морали, культуры, он не только страшен, он гнусен.

В-третьих, в глубине и мощности произведеннаго катаклизма. Вся жизнь перевернута до дна. Кажется, что всѣ корни ея, уходящіе в историческую почву, перерѣзаны. Будущій историк покажет, конечно, переживаніе прошлаго в настоящем, намѣтит пунктирную лінію пресметственности. Но основное и самоочевидное впечатлѣніе — разрыва.

В-четвертых, в радикализмѣ доктринальнаго отрицанія. Чтобы произвести столь «великій» переворот, нужно имѣть мощный психологическій рычаг. Революціонное отрицаніе должно быть интегральным. Оно направлено одновременно на Бога, на царя и отечество, на дворянство, буржуазно, интеллигенцію и даже на кулачество, т.-е. на само крестьянство, на собственность и быт, націю и семью, на мораль как таковую и на культуру, как буржуазную. Из всеобщаго потопа уцѣлѣло нѣсколько брошюр Маркса и Ленина. Извольте на этом построить новую жизнь. И опять-таки через 15-20 лѣт начнется реставрація разрушенных цѣнностей. Возстановляется в своих правах родина, семья, культура и т. д. Но прочно ли новое зданіе? На каком фундаментѣ оно зиждется?

Из этой соціальной феноменологіи «Великой» революціи вытекает, прежде всего, ея основной, принципиальный имморализм. Он выражается не только в апоѳеозѣ звѣрства, но, что еще хуже, во всеобщем рабствѣ и лжи. И рабство и ложь суть результаты торжества силы, неизбежнаго в итогѣ войны всѣх против всѣх. Великая революція, начинающаяся во имя свободы, кончается всеобщим порабощеніем. Люди, отрекшіеся от старой чести и совѣсти, не имѣют духовных сил сопротивленія. Ложь становится единственным способом спастись свою шкуру и устраивать свою личную жизнь на развалинах. Под при-

крытієм пустою и лживою фразою новый хищник старается обезпечить свою берлогу — в ожиданіи того времени, когда он сможет превратить ее в укрѣпленный замокъ новаго господствующаго класса.

Историк-оптимист, историк-гегельянец (а XIX вѣкъ зналъ почти исключительно таких) считает эту жертву революціоннаго поколѣнія неизбѣжным и оправданным выкупом за новую жизнь. Да, поколѣніе Робеспьера удобрило своею кровью и подлостью почву, на которой поднялась цвѣтущая нива Франціи. Все государственное и социальное зданіе новой Франціи создано революціей. На Франціи стоит остановиться. Русская революція еще не создала новой Россіи; будущее еще не видно отчетливо за пылью стройки. Франція единственная страна, на которой можно изучать механизм «великой» революціи.

Безспорно, что французское государство возсоздано революціей и, может быть, крѣпче, чѣм оно было при монархіи. Но уже здѣсь, в политической сферѣ, слѣдует отмѣтить, что механической, бездушный его характер — печать чиновничьяго централизма, лишь прикрытаго демократической мантией, является прямым наслѣдіем деспотизма и рационализма революціи (Наполеона). Социальный строй новой Франціи еще меньше удовлетворяет нас. Столь типичный для нея мелкій собственник — дѣйствительно, созданный революціей — обладает чертами, которыя давно уже сдѣлались преградой для всякаго социальнаго прогресса. Пресловутая жадность и эгоизм французскаго крестьянина, потерявшаго всякую интимную связь с матерью землею и ушедшаго в голое накопленіе, создало тип земледѣльца, неслыханный в исторіи міра. На нем, на этом носителѣ социальной пирамиды *par excellence*, наслаиваются другіе пласты стяжателей, рантье, торговцев, спекулянтов — среди которых производитель, настоящій «капитан индустрии», вовсе не является ведущей социальной фигурой. Паразитарность и анти-общественность составляют основу французскаго капитализма. Вы скажете, капитализма вообще. Нѣтъ, ибо в англо-саксонских странах или даже в старой Германіи ка-

питализм старался сочетать (с таким же относительным правом, как и феодальное дворянство) присущую ему жестокость эксплуатации с основами традиционной морали: буржуазной честности, дисциплины и даже служения общему благу. Отсюда нравственная крепость англо-саксонского общества, столь же, но по иному, буржуазного, как общество французское. Разница в том внутреннем, духовном опустошении, которое революция внесла в буржуазное сознание. Французский стяжатель — безбожник, лишь иногда, в высших слоях, лицемерно прикрывающий свое безбожие католической обрядностью. Для освобожденного, но духовно опустошенного сына «третьяго сословия» не осталось другого смысла жизни, как накопление да еще маленькия чувственные удовольствия — стола и постели. Так на наших глазах, за XIX вѣк разлагается и гибнет один из прекраснѣйших національных характеров новаго человечества: народ Жанны д'Арк, народ Паскаля. Он еще, к счастью, не погиб, и силы сопротивления не иссякли. Но этим сопротивлением он обязан прежде всего тому, что побѣда Великой Революции и ея міросозерцания не была ни всеобщей ни безспорной. Преодоленіе зла, нанесеннаго ей, составляет содержание всей духовной культуры новой Франціи.

Но с этим преодоленіем связано новое зло. Революция не кончилась на почвѣ Франціи. Послѣ столѣтія баррикад и возстаній, послѣ насильственной смѣны стольких режимов, она продолжается в душах. Франція и понынѣ, как в концѣ XVIII вѣка, распадается на два стана, и главной основой раздѣленія является принятіе или отрицаніе революціоннаго наслѣдства. Политическія или социальныя программы лишь отдаленно связаны с этим наслѣдством. Оно чисто идеологическаго или даже теологическаго порядка. Реальныя программы имѣют очень мало значенія во французской политической жизни. Люди борются за идеи — или за призраки — точнѣе, против идей или призраков: против «революціи» или «реакціи», которым не соответствует почти ничего в реальной дѣйствительности. Отсюда безплодіе французской политики. Побѣда лѣвых

или правых выражается прежде всего в сведении личных счетов. Борются масоны против клерикалов, борются за Дрейфуса или против Стависсаго. В итогъ борьбы не мѣняется ничего. Франція продолжаетъ быть одной изъ самыхъ отсталыхъ странъ Европы. Но вся политическая атмосфера отравлена безпричинной ненавистью, корни которой восходятъ къ годамъ террора. Единство націи оказалось не возстановленнымъ.

Мы не знаемъ, исцѣлитъ ли когда-нибудь Франція свою незаживающую рану или до конца своей земной исторіи будетъ сочиться кровью. Во всякомъ случаѣ, ея судьба не дастъ никакихъ основаній для оптимистической исторіософіи «великихъ» революцій.

Въ противоположность марксистски-гегельянскимъ схемамъ, которыя видятъ въ революціи нормальное, закономѣрное явленіе общественной жизни, надо сказать: революція (т.-е. великая революція) есть не только катастрофа, но и тяжелая (излѣчимая ли?) болѣзнь націи. Она есть послѣдствіе соціального склероза, при которомъ борьба классовъ и духовныхъ теченій не можетъ найти исхода въ относительной побѣдѣ новыхъ идей или въ добромъ компромиссѣ. Тогда происходитъ обвалъ всего общественнаго зданія. Механичность этого образа въ сущности заслоняетъ трагизмъ положенія. Обвалившееся зданіе можно выстроить на-ново и въ лучшемъ стилѣ. Но можно ли излѣчить склерозъ или ракъ? Намъ не извѣстны законы соціальной патологіи, но опытъ показываетъ, что революція есть не радикальное средство отъ болѣзни (*ignis sanat*), но лишь обостренная форма теченія болѣзни. Она ничего не разрѣшаетъ, а лишь углубляетъ болѣзненный процессъ, переводя его изъ сферы политической или соціальной — въ сферу духовную, гдѣ излеченіе его становится необычайно труднымъ и даже сомнительнымъ.

III.

Революція нашихъ дней имѣетъ одно коренное отличіе отъ всѣхъ прежде бывшихъ или даже чаемыхъ революцій. Оно заключается въ томъ, что это революція соціальная, или,

точнѣе, конструктивная. Она стремится не только к разрушенію старой несправедливости, сколько к построенію новаго общества. Ея соціальный (а не политическій) характер указывает на глубину и всесторонность переворота, которую она несет с собой. Ея конструктивность — на перевѣсѣ положительных моментов в ней над отрицательными. Доселѣ революція ставила себѣ цѣлью освобожденіе, разрыв цѣпей, снятіе устрѣльных форм. Положительное творчество новой жизни предоставлялось органическим силам самой жизни. Государственное вмѣшательство сводилось к *minimum*у. Весь смысл буржуазной, хотя бы «великой» революціи — в освобожденіи личности и в предоставленіи хозяйственной жизни игрѣ естественных сил. Оптимизм XVIII вѣка ручался за неизбежность гармоніи, возникающей из хаоса.

Теперь положеніе измѣнилось радикально. Революціонер мечтает не о свободѣ, а о «порядкѣ», конечно, новом, но все-таки порядкѣ: о рациональной организаціи всей жизни государственной властью. Не заключает ли, в этих условіях, понятіе соціальной революціи внутренняго противорѣчія?

Мы думаем, что да. Революція, как политическій феномен — в смыслѣ «великой» революціи — исключает возможность соціальной реконструкціи — по крайней мѣрѣ, в том демократическом и народолюбивом смыслѣ, в каком творцы социализма опредѣляют его смысл. Мы думаем — и опыт Россіи подтверждает это апіорное убѣжденіе — что соціальная революція уничтожает как раз тѣ условія, матеріальнаго и духовнаго порядка, которыя необходимы для реконструкціи.

Условія матеріальныя. В гражданской войнѣ, неизбежно сопутствующей такой революціи, гибнут без счета вѣками накопленныя матеріальныя цѣнности: заводы, машины, запасы сырья и хлѣба, необходимыя для восстановленія хозяйства. В нѣсколько лѣтъ общество опускается до самых первобытных, натуральных условій хозяйствованія. Особенно тяжка утрата технических навыков, обученных «кадров», офицеров индустріальной арміи.

В условиях первобытной, звериной борьбы за существование может возникнуть новое крепостничество, новый феодализм или государственное рабство — скорее, чем социалистическое, т.е. общественное хозяйство.

Условия духовныя. Борьба за существование среди голодных людей, разделенных жесточайшей классовой ненавистью, приобретает неслыханную и в буржуазном обществе остроту. В этой обстановке находит себя настоящее воплощение принцип: человек человеку волк. Только насилие может обуздать зверя и заставить его работать. Всякая возможность кооперации, товарищеского труда, социальной демократии разрушена заранее и надолго. Если в подобной обстановке победителем окажется государство, а не класс новых хищников (создателей нового феодализма), то это государство может быть только рабовладельческим. Сколь бы полно ни проводилась им национализация жизни и хозяйства, это не имеет ничего общего с проблемой социальной реконструкции. Проблема именно заключалась в необычайно трудном и тонком сочетании свободы и необходимости, личного и общественного фактора производства. Нужно освободить трудящегося, а не закрепить его государству. Истинное освобождение возможно не сверху, а снизу, вернуть сверху и снизу одновременно, как организация вольного сотрудничества в твердых рамках плана, созданных государством. Без наличия одной из посылок — вольного сотрудничества или плановой организации — социальная реконструкция невозможна. СССР не решение, а провал, при всех возможных технических его достижениях. Ибо в СССР убиты самые основы социалистической и даже вообще подлинной социальной жизни.

Если политические проблемы допускают, а иногда требуют разрешения мечом, то социальная проблема наших дней нуждается в социальном мире, как единственной возможной атмосфере для ее решения. Социальная революция есть *contradictio in adjecto*.

IV.

Из всего сказанного вытекает непосредственно ряд императивов, опредѣляющих отношеніе христіанина к революціи вообще и в частности к революціи нашего времени.

а) Прежде всего мы должны стремиться, всѣми силами, к постоянному и благому обновленію жизни: к повышенію справедливости, человѣчности, братства, свободы во всѣх человѣческих отношеніях — в том числѣ общественных и государственных. Эта «оптимализація» жизни достигается, как улучшеніем человѣческаго матеріала или этического содержанія, заполняющаго социальныя формы, так и улучшеніем самих форм. Формы оказывают могущественное («формирующее») вліяніе — положительное или отрицательное — и на образованіе самой человѣческой личности. Пренебреженіе к ним означает запущенность и дичаніе социальной культуры. Социальныя формы, до извѣстных предѣлов, допускают послѣдовательное, эволюціонное усовершенствованіе. Старѣя и изживая себя окончательно, онѣ требуют замѣны их совершенно новыми основами социальной жизни. Органическая эпоха прерывается критической — эпохой радикальнаго обновленія, перестройки, революціи. Мы живем именно в такое время. Работать в цѣлях полнаго обновленія жизни — и не в послѣдних, а в первых рядах строителей, — таков первый социальный долг христіанина в эпоху подобную нашей. Укрываться в тылу или даже дѣлать общее дѣло с защитниками социального зла, под предлогом охраны преданій, значит предавать Христа и дѣло Его Церкви.

б) В выборѣ средств мы должны руководствоваться голосом христіанской совѣсти. Не считать, что нравственный критерій непримѣним к государственному дѣлу, но и не мечтать, что, берясь за него, мы можем сохранить себя в полной чистотѣ от грѣха. Все, что мы можем, это стремиться (но серьезно) к минимализаціи грѣха. Насиліе есть грѣх. Насиліе революціи, даже в ея ограниченной формѣ, как возстанія, переворота, есть тоже грѣх.

Рѣшиться на него слѣдуетъ лишь в том случаѣ, когда можно сказать себѣ с чистой совѣстью, что всѣ мирныя, законныя средства исчерпаны; что тираническая и слѣпая власть не уйдет, пока не погубит вмѣстѣ с собой свой народ. Тогда христiанин обнажает меч. Но всегда для опредѣленной, ограниченной цѣли, и при том политической. Мечем не преобразуютъ міръ, не строятъ новое общество. Мечем освобождаются от тиранов — и только.

в) Революція в интегральном политическом смыслѣ, как «великая» революція, раскалывающая весь народ в гражданской войнѣ, исключается из числа политических средств. Ея зло превосходит то зло, против котораго она направлена. На нее рассчитывать, на ней спекулировать, к ней призывать — преступленіе. Все сдѣлать, чтобы предотвратить се — наш долг. Так как, начиная возстаніе, хотя бы строго ограниченное в цѣлях, никогда нельзя быть увѣренным, что оно не приведет к гражданской войнѣ, то это лишній раз обязывает к чрезвычайной осторожности в игрѣ с оружіем. Другой маленькій практический вывод: не злоупотреблять словом революція, обращаясь к массам. Не оставлять никаких сомнѣній в том смыслѣ, в каком мы употребляем это слово. Лучше совѣм избѣгать его, чѣм вызывать предположеніе, что христiанин призывает к гражданской войнѣ.

г). Если революція разразилась, вопреки нашей воли и вопреки нашим усиліям предотвратить ее, то перед фактом гражданской войны христiанин свободен принять рѣшеніе — одно из рѣшеній, полных трагизма и не общающихся никакого социальнаго удовлетворенія.

Первое из них и, быть может, самое естественное — воздержаніе от борьбы. Так как исход ея, каков бы он ни был, не сулит ничего добраго, то законно отказаться от участія в пролитіи крови и безчисленных преступленіях, связанных с гражданской войной. Здѣсь позволительно вспомнить, что общественная жизнь не совпадает с жизнью вообще, что есть много возможностей выполнить свой христiанскій долг и внѣ обязанностей гражданина: хотя бы, на примѣр, в дѣлах простой человѣчности, в Красном

Крестъ при одной или обѣих арміях, в той простой жалости к человѣку, в которой он всего болѣе нуждается в эти страшные дни. Неизбѣжный минус этого воздержанія в том, что, устраняясь от гражданской войны, мы временно выходим из гражданского общества как такового и теряем непосредственное вліяніе на судьбу націи. Не участвуя в войнѣ, мы не участвуем и в побѣдѣ, не сулящей, впрочем, никаких надежд.

Второе рѣшеніе — примкнуть к одной из воюющих сторон, в которой видят наименьшее зло (отнюдь не добро). Это рѣшеніе наиболѣе трагическое, потому что оно требует участія в несомнѣнных преступленіях ради польностей сомнительных. Очень часто баланс преимуществ «лѣвой» или «правой» побѣды колеблется. С ходом борьбы могут исчезнуть и тѣ небольшія преимущества, которыя обусловили наш выбор. Относительно выбора стана нельзя сказать почти ничего априорно. Так сложна и неповторима всякая политическая обстановка. Говоря абстрактно, христіанину естественнѣе было бы стать в ряды бойцов революціи, поскольку обновленіе жизни болѣе согласно с христіанской этикой, чѣм ея стабилизациа. Но все зависит от характера этого грядущаго «обновленія», т.-е. от программы, міросозерцанія и духа борющихся сил. Выбор фронта может, наконец, диктоваться не идейным самоопредѣленіем, а кровной близостью — товарищества, класса, среды. Умереть со своими и за своих, раздѣлить общую судьбу — это один из достойных видов смерти. Хуже — остаться живым и среди побѣдителей. Для христіанина это значит — всегда итти против теченія, умѣрять проснувшіяся страсти, напоминать о состраданіи к врагам, предупреждать о долгѣ — словом, оказаться в числѣ «внутренних врагов» и стать предметом ненависти для своих же товарищей по оружію.

Третье рѣшеніе — самое героическое и бесплодно: образовать свой собственный «чистый» фронт подлинно бѣлых рыцарей справедливости, без всякой надежды на успѣх и побѣду. Это значит обречь себя гибели, но гибели славной, не на постели и не на эшафотѣ, а на полѣ бра-

ни против врага или врагов, непремѣнно сильнѣйших. О таких героях національнаго освобожденія сложена нѣкогда итальянская пѣсня, сохраненная нам Герценом:

Eran trecenti, eran giovani e forti,
E sono morti.

Но у тѣх была хоть надежда на побѣду, на лучшее будущее своей родины. У нас, в пору «великой» революціи, не может быть никаких иллюзій. Кто бы ни побѣдил в борьбѣ, это будет торжеством злых сил. Людям доброй воли революціоннаго поколѣнія надолго предстоит печальная судьба: остракизма, изгнанія, внѣшняго или внутренняго исключенія из гражданской жизни своей родины.

Но и этот печальный исход не означает для христіанина неизбѣжности социальнаго квіетизма. Изгнаніе — внѣшнее или внутреннее — из государства не лишает всѣх средств моральнаго и даже политическаго вліянія. Мысль, слово — то же оружіе, и даже болѣе эффективное, чѣм пушки и пулеметы. Только результаты их сказываются не скоро. Это тактика дальняго прицѣла. Давно замѣчно, что времена реакціи часто оказываются самыми плодотворными в жизни идей. В эпоху внѣшняго бездѣйствія мысль работает с особой остротой и силой. Изгнаніе выковывает (если не разрушает их окончательно) духовныя силы. Весь XIX вѣкъ Франція в значительной мѣрѣ питалась запасом идей, выкованных в эмиграціи. Для русскаго XIX вѣка такой школой высокаго давленія была внутренняя эмиграція Николаевской Россіи. Школа эмиграціи, как и школа подполья, имѣет свои болѣзни. Бороться с ними — первый долг нравственной гигиены. Но мы можем быть увѣрены: мысль и слово, как молитва, не пропадают. Нѣтъ ничего невѣроятнаго в том, что иная мысль, выношенная годами трудовых скитаній по камням Парижа или безсонными ночами в его мансардах, опредѣлит на вѣка судьбу Россіи.

Г. Федотов.